

Серия
научной
фантастики
„ГАЛАКТИКА“

ОБНАЖЕННОЕ СОЛНЦЕ

Пол Уильям Андерсон
Сокровища
марсианской короны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123929

Обнаженное солнце: Университетское; Минск; 1991

ISBN 5-7855-0568-1

Пол АНДЕРСОН

Сокровища марсианской короны

Сигнал достиг цели, когда корабль находился еще за четверть миллиона миль, и записанная на пленку команда вызвала техников на их рабочие места. Особой спешки не было, поскольку ZX28749, иначе известный как «Джейн Брэкни», шел строго по расписанию; однако посадить корабль без экипажа – дело всегда чрезвычайно тонкое. Люди и машины находились в постоянной готовности принять очередное беспилотное устройство, но на плечи контрольной группы ложилась большая ответственность.

Ямагата, Штейнман и Раманович собрались в башне диспетчерской службы, и Холидэй тоже стоял поблизости на случай непредвиденных осложнений. Если автоматика вдруг откажет – она никогда не отказывала, – то тысяча тонн груза и само судно с ядерным двигателем, рухнувшие вниз, смели бы с Фобоса все и вся до последнего человека. Так что Холидэй следил за происходящим по приборам, готовый в случае необходимости включиться в работу немедленно.

Чуткие пальцы Ямагаты танцевали над шкалами локаторов. Глаза неотрывно всматривались в экран. «Поймал!..» – наконец произнес он. Штейнман заметил расстояние, а Раманович – скорость приближения по Допплеру. Быстро све-

рившись с компьютером, они установили, что цифры почти соответствуют расчетным.

– Можно и отдохнуть,– сказал Ямагата, вынимая сигарету.– До точки разворота еще далеко...

Обведя взглядом тесную комнату, он уставился в окно. С башни открывался вид на космопорт, признаться, не слишком впечатляющий: ангары, мастерские и квартиры персонала прятались в глубине. Гладкое бетонное поле казалось обрубленным – поверхность крошечного спутника изгибалась слишком круто. Фобос смотрел на Марс одной своей стороной, космопорт расположили на другой, но Ямагата вспомнил огромную планету, нависшую над противоположным полушарием,– тусклый кирпично-красный диск, размытый по краям худосочной атмосферой, испещренный зелено-бурыми мазками полей и пустошей. Фобос омывался вакуумом, но здесь, в порту, не видно было даже звезд: слишком яркие прожекторы, слишком яркое солнце.

В дверь постучали. Холидэй подошел, почти подплыл к ней – призрачное притяжение ничуть не мешало – и отомкнул замок.

– Во время посадки посторонним вход воспрещается,– бросил он.

– Полиция!..

Незванный гость, мускулистый, круглолицый и насупленный, носил штатское платье, а точнее мундир поверх пижамных штанов; впрочем, к этому все привыкли – кто же в ма-

ленькой колонии не знал инспектора Грегга! Но сегодня инспектор взял с собой оружие – вот это уже выходило за пределы привычного.

Ямагата снова выглянул в окно и увидел на поле всех четырех приписанных к порту констеблей: напялив свои официальные скафандры, они наблюдали за обслуживающим персоналом. И все тоже были при оружии.

– Что случилось? – спросил он.

– Ничего... надеюсь, что ничего.– Грегг вошел в комнату и попытался улыбнуться.– Но на «Джейн» весьма необычный груз.

– Да? – Широкое отечное лицо Рамановича вспыхнуло от досады.– Почему же нам ничего не сказали?

– Намеренно. Дело совершенно секретное. На борту сокровища марсианской короны.

Грегг вытащил из складок мундира сигарету. Холидэй и Штейнман обменялись кивком. Ямагата присвистнул:

– На корабле-автомате?..

– Угу. Корабль-автомат – единственный вид транспорта, откуда их при всем желании нельзя украсть. Зарегистрированы три попытки кражи, когда сокровища везли на Землю на рейсовом лайнере, и черт знает сколько еще, пока они красовались в Британском музее. Одному из охранников это стоило жизни. Сегодня мои ребята вынут их раньше, чем кто бы то ни было коснется этой посуды, и переправят прямым сообщением в Сабеус.

– А сколько они стоят? – поинтересовался Раманович.

– Ну, на Земле их удалось бы сбыть, вероятно, за полмиллиарда международных долларов, – отвечал Грегг. – Но вор поступил бы куда разумнее, если бы предложил марсианам выкупить их обратно... да нет, раскошелиться пришлось бы нам, землянам, раз уж мы взяли сокровища под свою ответственность. – Он затерялся в клубах дыма. – Втайне ото всех их поместили на «Джейн» буквально за секунду перед отлетом. Даже мне ничего не сообщили до этой недели – с последним рейсом прибыл специальный нарочный. У злоумышленников нет ни единой возможности пронюхать о сокровищах до тех самых пор, пока они благополучно не вернутся на Марс. А уж там-то им ничего не грозит, будьте покойны!..

– Да нет, кое-кто все равно знал, – задумчиво произнес Ямагата. – Те, например, кто грузил корабль на Земле.

– Что верно, то верно, – усмехнулся Грегг. – Иные из них успели даже уйти с работы, так мне сказал нарочный. Но среди этих космических бродяг всегда большая текучка – не сидится им на одном месте...

Он перевел взгляд со Штейнмана на Холидэя и обратно: оба они в прошлом работали на Земной перевалочной станции и на Марс прилетели лишь несколько рейсов назад. Лайнеры, следующие по гиперболической орбите, покрывали расстояние между планетами за две недели; корабли-автоматы шли по более длинной и более экономичной кри-

вой, так называемой орбите Хомана, и тратили на дорогу 258 дней. Человек, проведавший, на какой из кораблей попали сокровища, мог преспокойно покинуть Землю, прибыть на Марс задолго до груза и даже устроиться здесь на службу – Фобос вечно испытывал нехватку рабочих рук.

– Не глядите на меня так! – со смехом воскликнул Штейнман. – Разумеется, и Чак и я – мы оба знали об этом, но мы же дали подписку о неразглашении. И не сказали ни единой живой душе...

– Точно. Если бы сказали, я бы услышал, – подтвердил Грегг. – Слухи здесь распространяются быстро. Не обижайтесь, мальчики, но я затем и явился сюда, чтобы никто из вас не тронулся с места, пока сокровища не окажутся на борту полицейского катера...

– Ну что ж. Значит, придется платить сверхурочные.

– Если уж я пожелал бы разбогатеть, то предпочел бы надеяться на геологическую разведку, – добавил Холидэй.

– И долго ты еще собираешься тратить все свое свободное время, шляясь по Фобосу со счетчиком Гейгера? – вставил Ямагата. – Тут же ни черта нет, кроме железа и камня.

– У меня на этот счет свое мнение, – не задумываясь ответил Холидэй.

– На этой забытой богом планетке каждому нужно хоть какое-нибудь увлечение, – провозгласил Раманович. – Я бы, может, и сам не прочь попробовать заполучить эти блестяшки, просто ради остроты ощущений...

Он запнулся, уловив в глазах Грегга хищный огонь.

– Довольно,– вмешался Ямагата.– Корабль на подходе.

«Джейн» входила в зону посадки – скорость ее движения по заранее вычисленной орбите почти совпадала со скоростью движения Фобоса. Почти, но не совсем: сказывались неизбежные мелкие помехи, которые надлежало компенсировать с помощью управляемых на расстоянии двигателей, а затем предстояла еще посадка как таковая. Контрольная группа уточнила координаты корабля и с этой секунды трудилась не покладая рук.

В режиме свободного полета «Джейн» приблизилась к Фобосу до расстояния в тысячу миль – сфероид радиусом в 500 футов, огромный и тяжелый, но совершенная пылинка в сравнении с немыслимой массой спутника.

Когда корабль подлетел достаточно близко, гироскопы получили по радио команду развернуть его – плавно, очень плавно, пока приемная антенна не оказалась нацеленной точно на посадочную площадку. Затем включились двигатели – на одно мгновение, в четверть силы. «Джейн» была уже почти над самым космопортом, идя по касательной к поверхности Фобоса. Спустя секунду Ямагата резко ударил по клавишам управления, и ракеты вспыхнули яростным пламенем, на небе зажглась ясно видимая красная полоска. Ямагата снова выключил двигатели, проверил все данные и дал еще один рывок помягче.

– Полный ажур,– хмыкнул он.– Давайте сажать.

Скорость «Джейн» относительно Фобоса и ее вращение равнялись теперь нулю, и корабль понемногу падал. Ямагата довернул его по горизонту, пока двигатели не стали смотреть вертикально вниз. Потом он откинулся в кресле и вытер лицо платком – задача была слишком каверзной, чтобы один человек мог выполнить ее от начала до конца. Раманович, потея, довел чудовищную массу до нескольких ярдов над опорной подушкой. Штейнман довершил операцию, уложив корабль на стоянку, как яйцо на подстилку. Двигатели выключились, настала тишина.

– Ух! Чак, как насчет выпить?..

Ямагата вытянул перед собой дрожащие пальцы. Холидэй улыбнулся и достал бутылку. Бутылка пошла по кругу. Грегг от выпивки отказался. Его глаза были прикованы к полю, где один из техников проверял корабль на радиоактивность. Приговор оказался благоприятным, и Грегг увидел, как его констебли понеслись над бетоном, окружая гигантский сфероид. Один из них поднялся по трапу, открыл люк и проскользнул внутрь.

Прошла, казалось, целая вечность, прежде чем он выплыл обратно. Потом побежал. Грегг выругался и нажал на клавишу радиоселектора:

– Эй, ты! Ибарра! Что там еще такое?

Шлемофон констебля донес его боязливый ответ:

– Сеньор! Сеньор инспектор!.. Сокровища короны... они украдены.

Сабеус – это, конечно, чисто приблизительное, выдуманное людьми название старинного города, приютившегося в марсианских тропиках, на пересечении «каналов» Физон и Евфрат. Губы землян просто не в состоянии выговорить три слова в соответствии с литературными нормами языка Хланнах и должны ограничиваться грубой имитацией. Да и руки землян никогда не возводили городов, состоящих исключительно из башен, у которых верхушки много шире оснований, городов, существующих по двадцать тысяч лет. Если бы на Земле и нашелся такой город, люди сами бросили бы его на растерзание туристам; однако марсиане предпочитали иные, более достойные способы зашибить деньгу, даже несмотря на то, что слава о их скаредности давно затмила славу шотландцев. И хоть межпланетная торговля процветала и Фобос превратился в оживленный порт, человек в Сабеусе до сих пор оставался редкостным гостем.

Торопливо шагая по проспектам меж каменных грибов, Грегг поневоле чувствовал, что обращает на себя внимание. Хорошо еще, что кислородный прибор прикрывал ему лицо. Не то чтобы степенные марсиане пялились на прохожего – они варкали, а это много хуже.

Улица Выпекающих Пищу в Очагах – тихая улочка, которую облюбовали ремесленники, философы и солидные квартирьеры. Здесь не увидишь ни танца ухажеров, ни парада младших алебардчиков. Здесь не случается ничего за-

нятнее, чем затянувшийся на четверо суток спор о релятивистской природе тел класса нуль или эпизодическая перестрелка, обязанная своим возникновением тому, что здесь свили себе гнезда известнейшие частные сыщики планеты.

Марс, с его холодным глубоким небом и съжившимся солнцем, с шумами, приглушенными разряженной атмосферой, всегда внушал Греггу суеверный страх. Но к Шиалоху он питал определенную симпатию – и когда наконец взобрался по лестнице, погромел трещоткой на втором этаже и был допущен в квартиру, то испытал облегчение, словно освободился от кошмара.

– А, Хрехх! – Великий сыщик отложил в сторону струнный инструмент, на котором играл до прихода гостя, и жердью навис над инспектором. – Какое нечастое удовольствие видеть вас здесь! Вхходите жже, дорогой друхх, вхходите...

Он гордился своим английским произношением, но никакое удвоение согласных не в состоянии передать свистящий и прищелкивающий марсианский акцент.

Инспектор осторожно вступил в высокую узкую комнату. Радужные змейки, освещающие жилище по вечерам, сонно свернулись на полу среди вороха бумаг, улики и всевозможного оружия; подоконники готических окон покрывал ржавый песок. Квартира Шиалоха не отличалась опрятностью, хотя за собственной особой он следил тщательно. В одном углу он устроил небольшую химическую лабораторию. Остальную

часть стен занимали полки, уставленные криминалистической литературой трех планет – марсианскими книгами, земными микрофильмами и говорящими камнями с Венеры. Патриотизм хозяина доказывал барельеф правящей императрицы-матери, кое-где пробитый пулями. Землянину было бы нипочем не усесться на трапециевидную местную мебель, но Шиалох, как учтивый хозяин, держал для гостей стулья и тазы – клиентура у него также была трипланетной.

– Полагаю, что вы пришли ко мне по служебному, но строго конфиденциальному делу...

Шиалох достал вместительную трубку. Марсиане с готовностью привыкли к табаку, но в этой атмосфере в него приходилось добавлять марганцевокислый калий.

Грегг так и подпрыгнул:

– Как вы, черт возьми, догадались?

– Очень просто, мой дорогой друг. Вы чрезвычайно возбуждены, а мне известно, что так вы выглядите только тогда, когда у вас неприятности на работе.

Грегг сухо рассмеялся.

Шиалох был по земным представлениям гигантом: двуногий, семи футов ростом, он отдаленно напоминал аиста. Но узкая, увенчанная гребнем красноклювая голова на гибкой шее была для аиста слишком велика, желтые глаза слишком глубоки, а белые перья тела больше походили на оперение пингвина, нежели летающей птицы, не говоря уже о синем султানে на хвосте; на месте крыльев росли красные кожистые

ручки с четырьмя пальцами на каждой. Да и держался Шиалох не по-птичьи прямо.

Грегг судорожно дернулся, пытаясь сосредоточиться на деле. Боже правый! Город за окном лежал такой серый и спокойный, солнце катилось на запад над фермами долины Сабеус и пустыней Эриа, по улице только что мирно протарахтела повозка мельника – а он пришел сюда с рассказом, способным разнести Солнечную систему на составные части!

– Да, вы правы, – дело строго конфиденциальное. Если вы сумеете его распутать, то сумму гонорара можете назначить сами. – Блеск в глазах Шиалоха заставил его раскаяться в своих словах, и он запнулся. – Но сначала скажите откровенно. Как вы относитесь к нам, землянам?

– У меня нет предрассудков. Ценен мозг, а не то, чем он покрыт – перьями, волосами или костными пластинками.

– Нет, я не о том. Ведь иные марсиане недолгобливают нас. Мы, мол, нарушили древний жизненный уклад – но, право же, невольно, мы просто начали с вами торговать...

– К-тх. Торговля выгодна обеим сторонам. Ваша нефть и машины – и табак, да-сс... в обмен на наш кантц и снуль. А кроме того, мы чересчур... застоялись. И, конечно, космические перелеты придали криминологии новую глубину. Да, я симпатизирую Земле.

– Значит, вы нам поможете? И не станете поднимать шум вокруг дела, которое могло бы побудить ваше правительство вышвырнуть нас с Фобоса?

Веки третьего глаза смежились, превратив длинноклювое лицо в непроницаемую маску.

– Я не давал пока никаких обещаний, Грегг.

– Ну, да черт с ним, все равно, придется идти на риск.–
Полицейский тяжело сглотнул.– Вам известно о сокровищах
вашей короны...

– Они были временно отправлены на Землю для показа и
научного анализа.

– После многолетних переговоров. На Марсе нет более
бесценной реликвии – а ваша цивилизация была древней,
еще когда мы охотились на мамонтов. Ну, так вот. Сокрови-
ща украдены.

Шиалох открыл все три глаза, но, если не считать этого,
удостоил инспектора лишь коротким кивком.

– На земной перевалочной их погрузили в корабль-авто-
мат. А когда он пришел на Фобос, сокровищ не оказалось.
Мы разобрали корабль чуть не по винтику, пытаясь отыскать
их, распотрошили весь прочий груз ящик за ящиком – их
нет!..

Шиалох запалил трубку – в мире, где спички не загорают-
ся, требуется немалое терпение, чтобы высечь искру сталью
из кремня. И только когда трубка раскурилась как следует,
задал вопрос:

– Возможно ли, что корабль ограбили в пути?

– Нет. Это исключено. Все космические суда в Солнечной
системе зарегистрированы, и их местонахождение известно с

абсолютной точностью в любой момент. Но найти песчинку в пространстве объемом в сотни миллионов кубических миль, а потом и уровнять с ней скорости... да ни один корабль, построенный по сей день, не вместит столько топлива. И не забудьте – о том, что сокровища вернутся на Марс именно с этим кораблем, заранее не сообщали никому. Только в международной полиции знали, да на Земной перевалочной поняли в ту секунду, когда корабль тронулся в путь, – а тогда было уже поздно что-либо предпринять...

– Очень интересно.

– Если хоть словечко об этом происшествии просочится в прессу, – добавил Грегг печально, – то вы сами без труда можете представить себе последствия. Мне кажется, что у нас до сих пор есть два-три друга в вашем парламенте...

– В Палате деятельных, да-сс... два-три остались. Но не в Палате философов, которая, между прочим, является верхней.

– В общем, это будет означать, что торговля между Землей и Марсом прервется лет на двадцать, и не исключено, что отношения окажутся разорваны навсегда. Черт побери, Шиадох, вы просто обязаны помочь мне отыскать эти камушки!..

– Хм-м-м. Прошу меня простить. Над этой задачкой следует подумать...

Марсианин поднял свой замысловатый инструмент и взял несколько пробных аккордов. Грегг вздохнул.

Миновал бесцветный закат, с нервнующей марсианской быстротой опустилась ночь, и радужные змейки стали испускать синее свечение, когда Шиалох наконец отложил свою полускрипку.

– Боюсь, мне придется отправиться на Фобос собственной персоной,– заявил он.– Для точного анализа в деле слишком много неизвестных. Нельзя строить теории, не собрав всех необходимых данных.– Костлявая ручка похлопала Грегга по плечу.– Ну, не унывайте, дорогой друг! Я вам, право же, очень благодарен. Жизнь становится чертовски скучна. А теперь, как сказал бы мой знаменитый земной предшественник, игра началась... и, безусловно, крупная игра.

В атмосфере земного типа марсианин чувствовал себя вполне сносно: ему понадобилось провести всего лишь час в компрессионной камере, да еще вставить в клюв фильтр, поглощающий избыток кислорода и водяных паров. С этим фильтром, в фуражечке фасона тирстокр и с неизменной трубкой Шиалох облазил все закоулки порта, брюзжа про себя относительно жары и влажности.

Надев скафандр, он даже вылез наружу осмотреть «Джейн Брэкни». Судно оттащили в сторону, чтобы освободить место для прибывших следом, и оно стояло теперь у зубчатых скал на самом краю поля. Сыщика сопровождали Грегг и Ямагата.

– Ну и ну, вы в самом деле постарались,– заметил великий детектив.– Внешнюю обшивку и то не поленились обо-

драть...

Сфероид вблизи походил не столько на яйцо, сколько на вафельницу: поверх тонких алюминиевых листов шла затейливая путаница брусьев и распорок. Еще он напоминал шахматную доску с квадратами глубиной около фута, а шириной примерно в ярд; двигатели, люки и радиоантенна – вот и все, что нарушало это шахматное однообразие. Ямагата принужденно рассмеялся.

– Да нет, фараоны просветили, правда, каждый дюйм рентгеном, но снаружи эти грузовые корабли именно так и выглядят. Ведь они никогда не спускаются ни на Землю, ни на другие атмосферные планеты, и обтекаемость линий им просто не нужна. А поскольку на борту во время рейса нет ни души, то нет нужды и заботиться об изоляции и герметизации. Хрупкие грузы содержатся в непроницаемых отсеках.

– Ясно. А где хранились сокровища короны?

– По идее, в шкафчике рядом с гироскопами, – ответил Грегг. – В опломбированной коробке размером шесть дюймов на шесть на двенадцать...

Он покачал головой, словно недоумевая, как это такая маленькая коробочка вместила такой потенциально опасный груз.

– Да, но положили ли их в этот шкафчик?

– Я радировал на Землю и получил подробный отчет, – ответил Грегг. – Корабль, как обычно, грузили на станции-спутнике, затем его в ожидании старта отвели на чет-

верть мили – просто чтобы не болтался под ногами. Он остался на одной орбите со спутником, связанный с ним тонким канатом, – тоже вполне обычное явление. Затем, буквально в последнюю секунду и, самое важное, без предупреждения сокровища короны были доставлены с Земли и подняты на борт.

– Кем? Уполномоченным на то полисменом?

– Нет. Когда корабль уже находится на орбите, на борт допускаются только дипломированные техники. На место коробку положил один из штатных сотрудников станции, по фамилии Картер. На глазах полиции он полез по канату и забрался в люк. – Грегг показал на дверцу возле антенны. – Потом он вышел, задраил люк и вернулся по канату назад. Полиция тотчас же обыскала и его скафандр и его самого, просто на всякий случай, и, разумеется, никаких сокровищ не нашла. Да и подозревать Картера оснований не было – добросовестный кадровый работник, хотя не могу не отметить, что спустя какое-то время он исчез. А «Джейн» благополучно тронулась в путь и за ней наблюдали, пока не потухли двигатели и она не перешла в свободный полет. С тех пор ее никто не видел, и вот она появилась здесь – без сокровищ...

– И, заметьте, строго по расписанию, – добавил Ямагата. – Если бы по какому-то стечению обстоятельств кто-то сумел состыковаться с кораблем в пути, то мы непременно заметили бы задержку. Неизбежное следствие взаимодействия между двумя телами...

– Понимаю.– Ключ Шиалоха за щитком шлема очертил стремительную кривую сверху вниз.– Послушайте, Грегг, а были ли сокровища в той коробке, которую доставили на станцию?

– Вы хотите спросить – на Земную перевалочную? Безусловно, да. Тут замешаны четыре главных инспектора международного ранга, и меня заверили, что они абсолютно вне подозрений. Едва я доложил на Землю о краже, они сами настояли, чтобы их квартиры и все их имущество подверглись обыску, и добровольно прошли проверку на детекторе лжи.

– А ваши собственные констебли на Фобосе?

– То же самое,– ответил полисмен уныло.– Я ввел запрет на передвижение – никто, кроме меня, не выезжал из этой колонии с той секунды, когда обнаружилась пропажа. Я обыскал все помещения, склады и переходы...– Он попытался почесать в затылке, что в космическом скафандре было делом довольно-таки затруднительным.– Я не могу продлевать ограничения до бесконечности. Корабли прибывают, грузополучатели требуют свои товары...

– Хнаххла! Значит, мы к тому же еще и ограничены временем.– Шиалох кивнул самому себе.– Известно ли вам, что это любопытный вариант старинной загадки запертой комнаты? Что же такое корабль-автомат в пути следования, как не запертая комната в классическом смысле слова?

Он неторопливо поплыл прочь. Грегг мрачно уставился на первобытный горизонт, из-под ноги у него внезапно вы-

рвался обломок скалы и покатился, подпрыгивая, через поле. Странная вещь, до чего ненадежным становится зрение в безвоздушном пространстве, даже при ярком свете. Парень, что переходит поле вон там, на солнце да еще при прожекторах, кажется каким-то пунктиром искорок... какого дьявола он там делает – завязывает ботинок? Нет же, он только что шел совершенно нормально...

– Будь моя воля, я бы всех на Фобосе пропустил через детектор, – сказал Грегг с ноткой ярости в голосе, – да закон не разрешает делать это иначе как с согласия подозреваемого, а добровольно вызвались только мои люди и больше никто...

– И правильно, мой дорогой друг, – отозвался Шиалох. – Индивидуум должен сохранить за собой право на уединение хотя бы в пределах собственного черепа. Да и процесс расследования стал бы в противном случае невыносимо грубым...

– Наплевать мне, груб он или нет, – выпалил Грегг. – Только бы коробка с сокровищами марсианской короны вернулась в безопасное место...

– Та-та-та! Нетерпение сгубило немало подающих надежды молодых полисменов. Кажется, именно так говорил мой духовный предок с Земли инспектору Скотланд-ярда, который... гм... не исключено, является вашим физическим предком, Грегг. Мне думается, мы попытаемся подойти к делу иначе. Есть здесь на Фобосе люди, заведомо знавшие, что сокровища находятся именно на этом корабле?

– Да. Их двое. И я досконально проверил, что они не нарушали подписки и не заикались об этом никому до тех пор, пока тайна сама не выплыла наружу.

– Кто же они?

– Техники Холидэй и Штейнман. Когда «Джейн» грузили, они работали на Земной перевалочной. Вскоре они уволились, хотя и в разное время, прилетели сюда рейсовым лайнером и поступили на службу. Можете не сомневаться, что уж их-то квартиры мы обыскали в первую очередь!

– Быть может,– заметил вполголоса Шиалох,– имеет смысл побеседовать с упомянутыми джентльменами?..

Штейнман, худой и рыжеволосый, так и клокотал от негодования; Холидэй был просто обеспокоен. Это никак не являлось доказательством вины: за последнее время допросы надоели всем на Фобосе до предела. Они сидели в полицейской конторке – Грегг расположился за столом, а Шиалох прислонился к стене, дымя трубкой и посматривая на остальных непроницаемыми желтыми глазами.

– Да черт вас возьми, я уже рассказывал об этом столько раз, что меня того и гляди стошнит! – Штейнман сжал кулаки и одарил марсианина убийственным взглядом.– Я не трогал этих безделушек и понятия не имею, куда они делись. Неужели у человека нет даже права сменить работу?:.

– Прошу вас,– мягко произнес великий детектив.– Чем охотнее вы нам поможете, тем скорее мы покончим с этим делом. Я слышал, что вы лично знали того, кто внес коробку

на борту?

– Конечно. Кто же не знал Джона Картера! В том-то и соль, что на станции-спутнике каждый знает каждого.– Землянин воинственно выпятил челюсть.– Вот почему никто из нас в жизни не согласится на детектор. Не хватало еще выбалтывать свои мысли людям, которых мы видим по пятьдесят раз на дню! Тогда мы совсем свихнемся...

– Я не обращался к вам с подобной просьбой,– заметил Шиалох.

– Картер был моим другом,– ввернул Холидэй без приглашения.

– Угу,– буркнул Грегг.– И тоже уволился почти одновременно с вами, мальчики, улетел на Землю и с тех пор о нем ни слуху ни духу. По моим сведениям, вы с ним были на коротке. Интересно, о чем вы говорили?

– О самых обычных вещах,– пожал плечами Холидэй.– Вино, женщины, песни. Я не слышал о нем ничего с того самого дня, как улетел с Земли.

– Кто сказал, что Картер украл коробку? – вмешался Штейнман.– Он просто устал мыкаться в пространстве и уволился. Да он и не мог украсть сокровища – его обыскивали...

– А не мог он спрятать их в каком-нибудь укромном месте, известном его друзьям на этом конце маршрута? – осведомился Шиалох.

– Спрятать? Где? На наших кораблях нет потайных от-

делений,— ответил Штейнман, теряя терпение.— На борту «Джейн» Картер провел от силы две-три минуты, ровно столько, сколько надо было на то, чтобы положить коробку туда, куда было велено.— Его взгляд устремился на Грегга и вдруг зажегся скрытым огнем.— Давайте назовем все своими именами: если кто-то на всем пути действительно имел случай цапнуть эту коробочку, так только наши милые фараоны.

Инспектор побагровел и приподнялся со стула.

— Послушайте, вы!..

— Вы заявляете, что невиновны,— не унимался Штейнман.— А чем, спрашивается, ваше слово лучше моего?

Шиалох знаком приказал обоим помолчать.

— Будьте добры не ссориться. Ссориться нефилософично.— Его клюв раскрылся и шелкнул, что у марсиан было равносильно улыбке.— Нет ли у кого-нибудь из вас своей собственной теории? С удовольствием выслушаю любую свежую идею.

Наступила тишина. Затем Холидэй пробормотал:

— Да, у меня, пожалуй, есть идея.— Шиалох прикрыл глаза и спокойно ждал, попыхивая трубкой. Холидэй неуверенно усмехнулся.— Но боюсь, что если я прав, то не видать вам этих сокровищ, как своих ушей...

Грегг зашипел.

— Я порядком пошлялся по Солнечной системе,— продолжал Холидэй.— В космосе чувствуешь себя таким одиноким. Вам никогда не понять, как он велик и пустынен, пока вы

не остались с ним лицом к лицу. А я оставался, и не раз: увлекаюсь любительской разведкой урана, правда, пока без особого успеха. Так вот, я не верю, что нам известно все о Вселенной, не верю, что между планетами – только вакуум и ничего больше.

– Вы что, о пустотниках? – фыркнул Грегг.

– Хотите назвать это суеверием? Валяйте. Но если вы проведете в космосе достаточно долгое время... ну, в общем, тогда вы тоже поймете. Там есть живые существа, газовые, радиационные, вообразите их какими угодно, но в космосе кто-то живет.

– Но зачем пустотникам коробка с сокровищами? Холид-эй развел руками.

– Откуда мне знать? Быть может, мы беспокоим их тем, что шатаемся на своих ракетах по их мрачному королевству. Кража сокровищ короны – прекрасный способ оборвать торговлю с Марсом, не правда ли?

Воцарилось гнетущее молчание.

– Ну что ж... – Грегг беспомощно повертел в руках пресс-папье из метеоритного железа. – Мистер Шиалох, у вас есть еще вопросы?

– Только один. – Веки третьего глаза разомкнулись, и на Штейнмана глянула сама бесстрастность. – Если не возражаете, дорогой мой, то чем вы увлекаетесь в свободное время?

– А?... Шахматами. Я играю в шахматы А вам-то что?

Штейнман опустил голову и насупился.

– И больше вас ничто не интересует?

– А что еще должно меня интересовать?

Шиалох посмотрел на инспектора, который кивком подтвердил слова техника.

– Ясно. Благодарю вас. Может статься, мы когда-нибудь сыграем с вами партию. У меня есть по этой части кое-какой небольшой опыт. Пока что у меня все, джентльмены.

Техники вышли из конторки – при малой гравитации их движения казались замедленными, как во сне.

– Ну? – спросил Грегг, глядя на Шиалоха умоляющими глазами. – Что же дальше?

– Совершеннейший пустяк. Полагаю... да-сс, пока я здесь, я хотел бы увидеть персонал за работой. При моей профессии надо иметь представление о самых разнообразных занятиях.

Грегг вздохнул.

Роль гида взял на себя Раманович. В порт как раз прибыл «Ким Брэкни» – сейчас корабль стоял под разгрузкой. Они с Шиалохом то и дело натыкались на людей в скафандрах.

– Не сегодня-завтра придется снять запрет, – сказал Раманович. – Или, на худой конец, открыть, почему он введен. Склады ломаются от товаров.

– Это будет благоразумно, – кивнул Шиалох. – Да, скажите-ка мне... такое снаряжение применяется на всех станциях?

– Вы имеете в виду костюмы, которые носят ребята, и ин-

струменты, которыми они пользуются? Безусловно. Все это повсеместно одинаково.

– Могу я осмотреть такой костюм поближе?

– Что?..– «Боже, избави нас от любознательных посетителей!» – подумал Раманович. Но тем не менее позвал одного из механиков.– Мистер Шиалох желает, чтобы вы объяснили ему устройство своего снаряжения.

– Пожалуйста. Обычный космический скафандр, усиленный по швам.– Руки в металлических перчатках задвигались, показывая детали.– Обогревательная система питается вот от этой батареи высокой емкости. В этих баллонах – запас кислорода на десять часов. Эти захваты служат для крепления инструментов, чтобы не растерять их в условиях невесомости. Этот резервуар на поясе – для краски, которая распыляется с помощью вот этой насадки...

– А зачем нужно красить космические корабли? – поинтересовался Шиалох.– Разве металл в вакууме подвержен коррозии?

– Сказать по правде, сэр, мы только прозвали ее краской. На самом деле это липучка – запечатывать трещины в корпусе, пока мы не заменим целиком пластину, или метить повреждения иного рода. Метеоритные пробоины и тому подобное...

Механик нажал на скобу, из насадки вырвалась тонкая, почти невидимая струйка и застыла, едва коснувшись грунта.

– Но вашу липучку не так-то легко заметить, – возразил марсианин. – Я, по крайней мере, в безвоздушном пространстве вижу с большим трудом.

– Это верно. Свет не рассеивается, следовательно... впрочем, вещество радиоактивно – ровно настолько, чтобы ремонтная бригада могла найти повреждение со счетчиком Гейгера.

– Понимаю. А каков период полураспада?

– Право, не знаю. Месяцев шесть, наверное. Считается, что липучку можно обнаружить в течение года.

– Благодарю вас...

Шиалох величаво двинулся прочь. Рамановичу пришлось бежать вприпрыжку, чтобы удержаться рядом с ним.

– Вы подозреваете, что Картер спрятал коробку в резервуар с краской? – высказался землянин.

– Нет, вряд ли. Резервуар слишком мал, да и обыск, по-видимому, проводили тщательно. – Шиалох остановился и откланялся. – Вы были очень добры и терпеливы, мистер Раманович. Я выполнил свою задачу, а уж инспектора как-нибудь найду и сам.

– Зачем вам инспектор?

– Разумеется, чтобы сообщить ему, что запрет можно снять. – Шиалох издал резкий шипящий звук. – А затем я ближайшим катером должен вернуться на Марс. Если я потороплюсь, то успею на вечерний концерт в Сабеусе. – Голос его стал мечтательным. – Сегодня первое исполнение «Вари-

аций на тему Мендельсона» композитора Ханиеха в переложении на классическую нотную систему Хланнах. Мне предстоит, вероятно, незабываемый вечер.

Через три дня Шиалох получил письмо. Он извинился перед именитым гостем и, учтиво предложив тому подождать на корточках, пробежал по строчкам глазами. Затем с поклоном сообщил соотечественнику:

– Вам будет небезынтересно узнать, сэр, что доставленные венцы привезены на Фобос и в настоящий момент возвращаются к местам хранения...

Клиент, член кабинета министров и депутат Палаты деятельных, прищурился:

– Прошу прощения, вольноклюющий Шиалох, но вы-то какое к этому имеете отношение?

– О... видите ли, я дружу с полицейским начальником бесперых. Он полагал, что доставит мне радость, сообщив об этом.

– Храа! Вы ведь недавно ездили на Фобос?

– Да, одно незначительное дельце. – Сыщик бережно свернул письмо, сдобрил его солью и съел. Марсиане очень ценили вкус бумаги, особенно настоящей гербовой, сделанной на Земле, с высоким содержанием переработанного тряпья. – Итак, сэр, мы говорили с вами о том, что...

Министр и депутат отвечал слегка рассеянно. Нет, ему и в голову не пришло бы посягать на чужие тайны – никогда, ни за что, – но, обладай он рентгеновским зрением, он прочел

бы:

«Дорогой Шиалох,

вы были совершенно правы. Загадка запертой комнаты разрешена. Мы получили сокровища обратно целыми и невредимыми, и с тем же катером, который повезет вам это письмо, они вернутся в банковские подвалы. Как жаль, что факты никогда не станут известны широкой публике – обе планеты были бы вам крайне признательны, а сейчас я выражаю вам глубокую благодарность от своего имени и позабочусь о том, чтобы любой счет, который вы сообразоволяете прислать, был оплачен сполна. Даже если Генеральной Ассамблее придется для этого ввести в бюджет специальную статью расходов – опасуюсь, что придется.

Признаюсь, ваша мысль немедленно снять запрет показалась мне сперва диковатой, но она оправдалась. Разумеется, я отправил своих ребят рыскать по Фобосу со счетчиками Гейгера, однако Холидэй нашел коробку раньше нас. Чем безусловно избавил нас от лишних хлопот. Я арестовал его, как только он вернулся в колонию, и коробка была у него среди геологических образцов. Он признался во всем и доказал вашу правоту, что называется, по всем пунктам.

Как это говорил землянин, которым вы так восхищаетесь? «Когда вы отбросите все невозможное, то, что останется, и будет правдой, какой бы невероятной она ни казалась». Что-то в таком роде. Это несомненно полностью относится к данному делу.

Вы рассудили, что коробка должна была быть

поднята с Земной перевалочной на корабль и оставлена там – другой возможности просто не существовало. Картер сообразил это за полминуты, едва ему приказали взять ее с собой и поместить на борт «Джейн». Он забрался в люк, все чин-чином, но, и выйдя из корабля, он по-прежнему держал коробку в руках. Никто не заметил, как он опустил ее в углубление между балками справа от люка. Иначе говоря, как вы и предполагали: «Если сокровищ нет внутри корабля и никто не унес их с корабля, они должны быть на поверхности корабля».

Холидэй рассказал, что узнал обо всем от Картера. Тот не мог отправиться на Марс лично – это вызвало бы подозрение, а когда выяснилось бы, что сокровища пропали, за ним установили бы неотступную слежку. Картер нуждался в сообщнике. Холидэй полетел на Фобос и взялся за геологическую разведку в надежде, что впоследствии, когда он займется поисками сокровищ, она послужит ему оправданием.

Далее, вы справедливо указали мне, что когда до Фобоса оставалось несколько тысяч миль, его притяжение пересилило притяжение корабля. Каждый, кто работает в космосе, знает, что корабли-автоматы начинают торможение лишь в непосредственной близости к цели, что они в этот момент находятся почти над самой поверхностью и что их разворачивают к станции тем бортом, где расположены люк и радиомачта, – тем, на котором Картер поместил коробку. Центробежная сила, возникшая при развороте, отбросила ее от корабля, но действовала

эта сила в направлении Фобоса, а не от него. Картер знал, что разворот производится медленно и плавно и что коробка не сумеет набрать такую скорость, чтобы затеряться в пространстве. Она должна была падать в направлении спутника.

Итак, ваши выводы подтвердились полностью: сокровища короны упали на Фобос. Само собой, Картер успел сбрызнуть коробку радиоактивным составом, и Холидэй использовал это, чтобы найти ее среди скал и трещин.

Штейнман пристаёт ко мне с вопросом, почему вы допытывались у него об его увлечениях. Вы забыли рассказать мне об этом, но я сделал вывод сам и ответил ему. В деле неизбежно был замешан один из двоих – или он, или Холидэй, поскольку никто больше не знал о характере груза, и виновному нужен был какой-то повод, чтобы выходить на поверхность и искать коробку. Игра в шахматы не дает возможности такого рода. Я угадал? По крайней мере эта моя попытка применить дедукцию доказывает, что я прилежно изучаю методы, которым вы следуете. Между прочим, Штейнман осведомляется, не сможете ли вы принять его, когда он получит очередной отпуск и посетит планету.

Холидэю известно, где скрывается Картер, и мы передали соответствующие сведения на Землю. Беда лишь в том, что мы не сможем преследовать по суду ни того, ни другого, не оглашая действительных фактов. Ну что ж, существует и такая кара, как черные списки.

Приходится закругляться, чтобы письмо не опоздало на катер. Скоро увидимся – надеюсь, не в профессиональном качестве.

Ваш восхищенный поклонник, инспектор Грегг».

Однако, как ни прискорбно, член кабинета министров не обладал рентгеновским зрением. Поэтому он бросил строить тщетные догадки и изложил затруднение, с которым пришел. Кто-то где-то в Сабеусе фарниковал краты, что вызвало нездоровую закнострию среди хьюков. Шиалоху подобное сообщение обещало довольно интересное дело.